

Ольга Марголина

Я ШАГАЮ
ПО РОССИИ
И НЕ ТОЛЬКО

Ольга Марголина

Я шагаю по России и не только

«Алетейя»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Марголина О. Г.

Я шагаю по России и не только / О. Г. Марголина — «Алетейя»,
2018

ISBN 978-5-907030-88-6

Новый сборник рассказов Ольги Марголиной, нетипичного представителя «серебряного возраста», родился во время прогулок с палками – последнего увлечения почетного энергетика России и бывалого путешественника. За последний год ее шагомер зафиксировал две с половиной тысячи километров, пройденные автором по земле, а уж сколько было проделано по воздуху и воде – осталось за кадром. Впечатления от увиденного, услышанного и извлеченного из недр памяти автор постаралась рассказать в свойственной ей манере – живо и увлекательно. Иногда кажется, что ты знаком с ее героями и сам участвуешь в невероятных приключениях в разных странах земного шара. И как всегда от этих бесхитростных историй остается позитивный взгляд на мир. Радость и удовольствие, которые в жизни автора заметно преобладают над чернотой и мраком, заряжают читателя, по окончании чтения хочется крикнуть: ребята, давайте жить дружно и у нас все получится!

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907030-88-6

© Марголина О. Г., 2018

© Алетейя, 2018

Содержание

Шагомер	5
Там на неведомых дорожках следы невиданных людей	7
Где эта улица, где этот дом?	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ольга Марголина

Я шагаю по России и не только

Шагомер

Все началось со смены мобильного. На очередной день рождения я получила в подарок айфон, в который добавила ряд интересных программ и почувствовала себя более продвинутой. Одной из нужных программ для человека, совершающего ежедневные пешие прогулки – походы, конечно, был «шагомер» в режиме нон-стоп. Отныне я знала расстояние до самых посещаемых точек в городе: продуктовых магазинов в шаговой доступности, районной поликлиники и Филармонии, кинотеатра «Аврора» и библиотеки им. Маяковского. Все эти доминанты находились от дома на расстоянии одного – двух километров. Аллеи Летнего сада, которые я обходила с палками почти ежедневно, в сумме составили от трех до четырех километров, прогулка с собакой была не меньше трех километров. Шагомер показывал эти расстояния не только в километрах и шагах, но сообщал время в пути, среднюю скорость, а главное – затраченные калории, которые следовало возмещать. Жить стало веселей, теперь в любую погоду мне хотелось наращивать километры. Будучи человеком организованным, я ежедневно фиксировала достижения, в конце месяца их суммировала и с гордостью показывала родным и друзьям. В первые зимние месяцы ежемесячно получалось больше сотни километров, в летние месяцы – больше двухсот.

– Ну, ты даешь! Уже, наверно, пешком до Москвы дошла! Ехидничали некоторые.

Когда я сосчитала расстояние, пройденное ногами за год, сама удивилась – это было две с половиной тысячи километров.

– Может, пешком пойдешь до экватора?

– А что, могу! На самом деле к концу года заболела пятка, оказалась пяточная шпора, которая сопровождает людей с плоскостопием, пренебрегающих при очень энергичной ходьбе ортопедическими стельками. Пришлось несколько уменьшить нагрузку, завести стельки и следить за обувью. Но мой пеший энтузиазм не пропал...

Надо признаться, что при движении, особенно, если не торопишься из пункта «А» в какой-нибудь пункт «Б», а спокойно идешь по малолюдным улицам, а еще лучше – ритмично шагаешь с палками по парку, в голове возникают удивительные картины. То, что вокруг тебя, исчезает, и из клеточек памяти появляется и обрастает подробностями виденное когда-то. Эти видения разрастаются, наполняются неожиданными подробностями и требуют немедленного воплощения в словах. Я отношусь к людям, больше констатирующим, чем придумывающим, поэтому главное условие – постараться побольше вспомнить. В серых клеточках мозга звучат голоса и интонации встреченных когда-то людей, припоминаются диалоги...

По возвращении домой, я быстро пополняла израсходованные калории, садилась к компьютеру и записывала то, что во время ходьбы увидела, о чем и о ком хотелось рассказать. А видела я, шагая по странам и континентам, достаточно много интересного. Правда, интересное для автора не всегда интересно читателю. Иногда это зависит от таланта рассказчика. Хотелось бы, чтобы наши вкусы совпали...

Там на неведомых дорожках следы невиданных людей

- Сударыни, играть будем?
- А как же, Александр Сергеевич! Вас только и ждали.
- Я готов, не вижу соседки Эльвиры!
- Она изволила с утра отправиться на ярмарку, наверно, устала и отдыхает.

Ярмарки в деревне бывали один раз в неделю по средам. Прогуляться в центр, да ещё и купить что-нибудь вкусненькое у дачников считалось делом святым. Собирались туда загодя, накануне составляли список, что брать непременно, за чем даже не грешно постоять в очереди. Особенным спросом пользовались сметана и творог – хоть и дорогие, они были отменно свежи, таких в магазинах и не увидишь.

Катерина, ссылаясь на больную ногу, обычно даже за сметаной для любимых оладьев не отрывалась от кресла:

- Сашуля, возьми кило сметанки и обязательно творог. Я сырники сделаю, пальчики оближите!
- Не пойду: потом скажешь, что плохую принёс, – лениво отвечал Александр Сергеевич, уже двигаясь к калитке.

Его догоняла ближайшая соседка Ксения:

- Сашуля, подожди, я с тобой пойду, уже готова!
- Нет, дорогая! Я один пойду, быстро, встретимся около яиц. Не перепутай!
- Каких ещё яиц? Они мне не нужны.
- Ну и зря не нужны. Яйца всем нужны, а тебе нет. Скучная ты женщина!

Ксения жила в деревне одна, в большом количестве продукты не покупала, но в отличие от Катерины просто любила двигаться. Может быть, поэтому в солидном возрасте отличалась спортивной фигурой, вызывающей зависть полных соседок. На старого друга Александра Сергеевича не обижалась. Она его, можно сказать, любила давно и платонически, как можно любить дачного соседа. Поэтому вместо туфель, чтобы догнать любимого мужчину, обула шлепанцы, нацепила шляпку от яркого солнца и с лёгкой сумочкой через плечо затрусила по дорожке.

Деревенская ярмарка представляла собой столы и прилавки, развернутые из нескольких машин, равномерно рассредоточенных на главной площади вокруг постамента. В советские времена на нём стояла маленькая фигурка вождя мировой революции. Теперь на пустом постаменте, окружённом детской площадкой, парой скамеечек и низеньким заборчиком, был при-

креплен флажок – не пропадать же постаменту! За заборчиком и разложили-расставили свои товары приезжие коробейники. Спортивная обувь и пёстрые халаты, жирные куски только что забитых хрюшек и крупные куриные яйца, электрочайники и узбекские ковры, яркие помидоры и красавцы северные баклажаны. Мануфактурой деревенских граждан сейчас не удивишь – больше смотрят, покупают мало.

А вот за свининой и яйцами выстроилась солидная очередь.

– Наталия Ивановна, голубушка, как приятно вас видеть! Вы болели? Что-то вас не было в библиотеке.

– Мне тоже приятно вас видеть. Почему давно к нам не заходили? Я действительно была на больничном, но болел внук. Дочка на работе, пришлось мне сидеть с ним. Я вам оставила книгу, которую просили, из истории нашей области. Заходите.

За беседой с деревенскими знакомыми очередь подошла незаметно. Ксения с соседкой Эльвирой выбрали несколько отличных свиных котлеток для общественной трапезы, которая планировалась на следующий день, а к ним с другой машины добавили красивых овощей.

Ярмарочные дела проходили до полудня. Сейчас следовало сосредоточиться перед поединком.

– Ну что, сударыни, вы готовы?

– Конечно, Александр Сергеевич!

– Во что играем? Вист? Преферанс?

– Уволь, батенька! Я предпочитаю книг.

– Я тоже: это по нашим умственным способностям.

– И по остаткам памяти.

– Не скромничайте, дамы! Но, согласен, начинаем в книга. Кто сдаёт? Кто расписывает? Ручка, бумажка приготовлены? За вами глаз да глаз нужен!

– Только не торопи! И чур – без критики!

– Ну уж нет, Наталья Николаевна! Не обижайся, а лучше старайся следить за картами и не отвлекаться!

Игра началась. Эльвира язвила над невнимательностью Натальи. Ну как тут было не язвить, когда та вдруг заявляла:

– Кинг мой, я выиграла!

– Ты что? Мы же не берём взятки, а ты как раз его взяла, у тебя минус двадцать!

– Ох, опять перепутала: думала, берём взятки, дура старая!

– Пока они препираются, Сашуля, принеси мне воды таблетку запить.

– Катерина, да вот же вода в двух шагах от тебя! Возьми сама.

– Я тебя прошу, Саша! Принеси! Мне не встать...

– Считаю наши очки, не сбивайся, а то опять не сойдётся...

Интеллектуалка Эльвира, пока Катерина подводила итоги, напомнила слова любимого всеми тезки соседа: «Уж восемь робертов сыграли / Герои виста; восемь раз / Они места переменили; / И чай несут. Люблю я час / Определять обедом, чаем / И ужином. Мы время знаем / В деревне без больших сует: / Желудок – верный наш брегет...».

– Опять Александр Сергеевич выиграл! Он самый внимательный из нас.

– Всё-таки не женское это дело в карты играть!

– Все, сударыни. На сегодня хватит. Продолжим завтра в это же время. А сейчас мне надо идти к компьютеру, друг из Геттингена выйдет на связь.

– Это Ленский, что ли? – ехидно поинтересовалась Эльвира.

Друг не заставил себя долго ждать. Правда, был он из Геттингена у другого Александра Сергеевича – у нашего он был из земли Мекленбургской и не собирался в ближайшее время приезжать в гости. Просто поприветствовал и сообщил, что у них жара выше тридцати градусов, она затрудняет велосипедные прогулки ленивых немцев. Но он, не в пример им, ездит

на велосипеде в город на репетиции в опере, где поёт в массовках, правда не в театре, а на театральных ступенях и вечером, когда не так жарко.

– А у нас в Петербурге идут дожди. Слава богу, поливать мне Катерина не велит.

– А моя Машка отказывается ездить в оперу. Говорит, что в трамвае много арабов, она их боится: вдруг пристанут.

– Ну, уж это женские глупости! Что они в вашем законопослушном обществе могут сделать?

– Знаешь, если честно, то они таки могут.

Вечерние карточные посиделки обычно проходили в двух отделениях: «не брать взятки» и «берем взятки – отыгрываемся». В антракте, как правило, устраивалось чаепитие. Игроки, вернее игруньи, приносили что-нибудь вкусненькое, чаще всего приготовленное днём. Наталья Николаевна, невнимательная в картах, была большой искусницей в пирожках. В маленькой электрической духовке она пекла пирожки то с ягодами, то с яблоками, в зависимости от летнего месяца. Сейчас уже созрели и падали мелкие красно-полосатые яблочки, кисло-сладкие и очень вкусные.

– Катерина, доставай из кастрюльки мои пирожки пока тёплые!

– Отлично! А я принесла крыжовенное варенье, вечером сварила. Вы же видели, сколько у меня крыжовника! Не знаю, что буду с ним делать. Приходите и рвите кто сколько сможет, и ты, Александр Сергеевич, тоже...

– Эльвира, ты отрезаешь хвостики от ягод?

– Ни боже мой! В них самые витамины, к тому же работы меньше. Если отрезать миллион хвостиков, жизни не хватит!

Ксения, которая на дачу приезжала не каждую неделю, ничем не могла поразить дачных приятельниц, но старалась из города привезти им что-нибудь вкусненькое. Вот и сейчас она на тарелочке разламывала что-то тёмное:

– Я из города привезла новый шоколад, горький с имбирём и лимоном. Вот на тарелочке разломил плитку. Пальчики оближете!

За чаем обсудили божественную жизнь соседа Кирилла Ивановича. Дело в том, что ближайший сосед Ксении, выйдя на пенсию, зачастил в находящийся неподалёку храм божий. Первое время он ездил туда, как считали соседки, пару раз в месяц грехи замаливать. А грехов, по их мнению, у него было предостаточно. Во-первых, за годы жизни на даче он сменил нескольких жён и любовниц, их сосед не скрывал. Разговор о детях, которых никто никогда не видел, он резко обрывал: «Детей не люблю, но не волнуйтесь, я их обеспечиваю». Не любить собственных детей – большой грех, на этом все соседки сходились во мнении. С последней его дамой, милой и молодой, которая хозяйина и сад его лелеяла, гостей привечала, он поступил совсем нехорошо. Просто когда узнал, что у них будет ребёнок, попросил её съехать. Она, будучи благородным человеком, конечно, уехала. Дальнейшая её судьба оказалась трагической, о чём стало известно дачникам.

– Вы знаете, что она родила? Но от горя, очень его любила, вскоре попала под машину и умерла.

– Ужас какой! Помните, у него была собака овчарка, охраняла дом и сад? Я видела однажды, как он её стегал ремнём, а собака скулила. Разве можно бить своего пса?

Но при обсуждении все сошлись на том, что в последнее лето он стал совсем другим человеком: живёт один, всем помогает, соседям часто предлагает купить что-нибудь, когда на машине едет в магазин.

– И воду святую он регулярно привозит из церкви, раздаёт бутылки.

– Со мной ездил в поселковый мебельный магазин, помог заказать кухню.

– А мне привёз резиновые водоёмы для сада и материал на крышу...

В результате дамы единодушно решили, что это влияние воцерковления. Особенно после того, как узнали, что Кирилл Иванович последние два года стал трудником в церкви. Он и не скрывает своей деятельности там.

О церковных событиях соседки часто теперь слушали эмоциональные рассказы. Дело в том, что деятельному Кириллу мало было работать в двух своих садах, где он ухаживал за десятком плодовых деревьев и сотней кустов малины, смородины, крыжовника, клубники и чего-то ещё, где у него в парниках зрели огурцы и помидоры, а газон постепенно стал походить на английский. Нет, его активной натуре недостаточно было общения с соседями – он жаждал душевительных бесед с новыми людьми. В этом стремлении незаменимым местом явилась симпатичная деревянная церковь, в которой можно было не только покаяться, но и искупить грехи благими делами. Первый раз выходящий из ворот с большой сумкой батюшка, увидев его у старой, но вполне ещё бодрой красной автомашины, спросил:

- Вы не могли бы подвезти меня к станции?
- С удовольствием, отец, садитесь. Сумку я поставлю на заднее сиденье. Вам удобно?
- Вполне. Благодарствую.

С этого случая завязалось, а потом и укрепилось знакомство Кирилла со служителями культа этой славной церкви. Благожелательность немолодого мирянина, приятная манера общения вкупе с его искренним желанием помочь и не требовать за это денег сделали его незаменимым в выполнении разных несложных поручений. Рано утром каждую субботу и воскресенье он освобождал багажник и выкатывал свою верную подругу из маленького садового гаража. Закрыв калитку, в скромной футболке и джинсах он садился за руль и, улыбнувшись сам себе, медленно ехал по дорожке садоводства к воротам. Проверял он машину автоматически, она с вечера пятницы была готова к выполнению главной его миссии в церкви – развозом в пределах посёлка даров и подарков.

Ксения ехидничала:

- Опять едешь на послушание?

– Я называюсь трудник. Ты бы знала, какие они богатые! Я даже не предполагал. От разных спонсоров-дарителей церковь получает подарки тысячные, а отвожу я тем, кто сам не может прийти, и тоже дары будь здоров! Батюшка в своём кабинете открывает ящик стола, я вижу толстые пачки красных купюр. Не сотенные пачки, а пятитысячные! Вынимает и запросто мне даёт для передачи по адресу. Я везу, отдаю, меня за стол сажают, кстати, в хоромах отличных, не чета нашим дачам, угощают чаем, а вчера вот и бутербродик с красной рыбкой поднесли. Я не отказываюсь, беру. Ведь честно заработал, да?

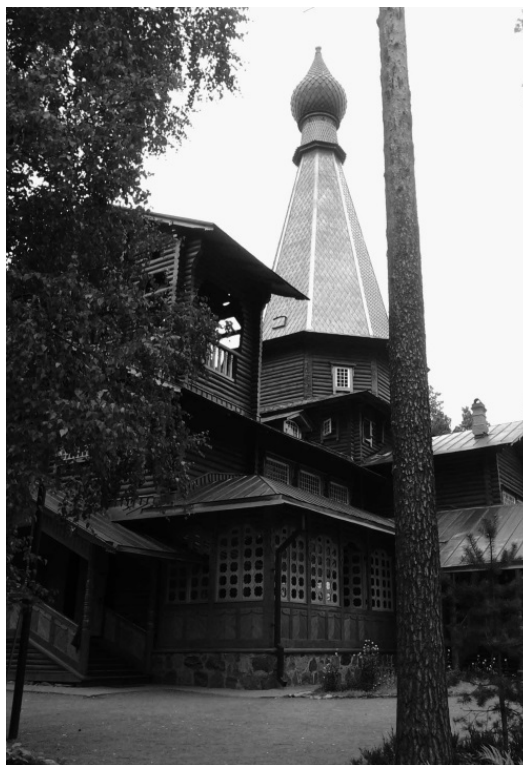
- А кому предназначены церковные подарки?

– Точно не знаю, но последний раз я возил большой пакет старушке, она не выходит из дома, а раньше работала у них. Она меня благодарила за подарок, чаем угостила и, пока я пил, поведала, какой внимательный батюшка и все сёстры и братья в церкви. Да я и сам это вижу, согласился. В предыдущее воскресенье отвозил бумаги в дом казначея. Мужик он деловой, с виду не отличается от начальника отдела в моей районной администрации, только что волосы у него длинные, борода, да ходит в рясе.

– Тебе не кажется, Кирилл, что церковь нынче такая же бизнес-единица, как любая другая?

– Не только не кажется, а именно так и есть. Ритуальные услуги, свечи, святая вода, трапезы, подношения – поверь, бизнес в РПЦ не хуже, чем в «Газпроме» или «Роснефти». Вы бы видели, дамы, как живут деятели в нашей епархии! Какие особняки! Сады! Машины!

Дачники нашего садоводства как раз видели. Напротив нас на шоссе высокий коричневый забор, перед ним каштаны. Пассажиры автобуса часто просят водителя остановить по требованию «у поповской дачи».

Над забором высятся верхние этажи красивого рубленого дома и черепичные крыши нескольких подсобных построек.

– Там живёт казначей нашей церкви. Я видела большой красивый сад, когда встречала Ксению, а у них открывали ворота, – сообщила всезнающая Эльвира.

Но более подробные сведения сообщила как раз Ксения, которая, не будучи владелицей автотранспорта, чаще других перемещалась с дачи в город и обратно:

– Я один раз подошла к остановке автобуса. Вдруг ворота открылись, и выехала машина. За машиной вышла среднего возраста женщина в платочке и длинной юбке, наверно, жена священника. Она спросила меня, куда я еду. Когда услышала, что в Питер, сказала: «Садитесь в машину, вас подвезут, сын как раз туда едет». Молодой человек в тёмном костюме любезно открыл мне дверцу, помог сесть, попрощался с женщиной и нажал на газ. Представляете, довёз меня до станции метро! В дороге мы обменялись какими-то незначительными фразами по поводу культурной программы предстоящих в эти дни праздников. Я не задавала вопросов о его жизни, не любопытствовала, но он много говорил в пути по айфону. Из его разговоров с несколькими девушками, сопровождаемых словами «ну, с богом», «храни тебя бог», «бог с тобой», поняла, что он друг, а может быть муж, весьма заботливый. Каждую он куда-то приглашал с детишками... Через час он остановил машину у входа в метро, открыл дверцу и улыбнулся: «Храни вас бог!»

– Надо же, Ксения, как тебе повезло! Меня попы не подсаживали в машину.

– Не гневи бога, Катерина, тебя возит любимый зять.

Подробности о нравах и поступках служителей культа дачницы регулярно узнавали от Игоря Ивановича.

– А вы знаете, что служители церкви нынче не только люди богатые, но и очень образованные? В нашем храме теперь служат два молодых священника, закончивших Оксфорд. Вот так: не хухры-мухры, а Оксфорд! С ними разговаривать одно удовольствие, нет, вру, мне до них надо ещё расти и расти, хоть имею высшее образование и преподавал в колледже. На английском они говорят как на родном. Вы обязательно должны побывать на их службе.

– Я, кажется, с одним из них сидела, когда ты нас возил в последний раз. Пока ты ходил за святой водой, я сидела на скамейке перед входом рядом с каким-то молодым служителем, симпатичным и розовощёким. Удивлялась его трогательному разговору по мобильнику, гадала, с кем это он так нежен, пока не расслышала слово «мамуля». Мамуля как-то приблизила его ко мне, невоцерковлённой. Правда, он показался симпатичным юношей.

– Уговорили, в следующий приезд, Кирилл, веди нас на службу, а то мы почему-то вкушаем не духовную пищу, а материальную. Помните, как покупали пирожки и чай разные у входа в храм?

– Да, это у них статья дохода. Пирожки пекут отменные, к ним всегда выстраивается очередь мирян из окружающего посёлка.

– Ив трапезной тоже вкусные щи продавали – вместо того, чтобы раздавать бесплатно.

– Вам не повезло, они кормят всех даром. Народ днём валом валит.

– Мне больше всего нравятся интерьеры деревянного храма и строгость в убранстве.

Все согласились, что церковь Серафима Вырицкого, действительно, достойна похвал. Она пользуется большой популярностью у верующих, на службы в выходные дни подъезжает и подходит великое множество народа.

Тут коммуникабельный Кирилл был просто незаменим. Он стоял перед входными воротами и с улыбкой давал пояснения, куда идти, где покупать свечи и пирожки, где наливать святую воду, в каком направлении могила Святого Серафима. Если какие-то молодые нечестивцы были неподобающе одеты, он их просто не впускал. Он резко наставлял девицу в купальнике или парня в шортах:

– Девушка, вы что, на дискотеку пришли? Закройте тело платком! А вы, молодой хиппи, наденьте брюки, не позорьтесь!

После празднования юбилея церкви сосед просто захлебывался от гордости:

– Вы не представляете, сколько вчера на службу приехало паломников! Из Грузии, из Средней Азии, уж не говорю о России... Я не успевал давать пояснения...

– Впечатление такое, что ты настоятель этого храма Божьего.

– Не смейтесь, а то не буду больше привозить вам святую воду.

– Нет-нет, не будем смеяться. Мы уже так привыкли пить освящённую воду и умываться ею! Видишь, как все твои подшефные похорошели? Даже характер у некоторых стал улучшаться, и речь стала более деликатной...

– Завтра я отвожу лекарство в церковь. Могу взять двоих, заедем на рынок за свежими овощами.

– У нас же свои овощи.

– Там много других прекрасностей, а Наталье надо посмотреть материал на крышу – это рядом в строительных товарах.

Поездки с Кириллом в магазины всегда оказывались удачным: то резиновый водоем Ксении купили, то кухонный столик Эльвире присмотрели. Если денег у кого-то не хватало, он добавлял. Когда надо было, сосед помогал погрузить тяжесть на крышу своей маленькой машины и на участке – был главной рабочей силой при разгрузке.

– Что-то обсуждение богоугодного Кирилла стало главной темой вечерних бесед. Предлагаю сменить героя!

– Согласна. А скажи, пожалуйста, милый друг, Александр Сергеевич, давно ли ты навещал свою нянюшку?

– Ох, и не спрашивай, любезная Наталия Николаевна! Пожалуй, года три к ней не заживал. Стыдно ужасно. Раньше, бывало, каждый год в день рождения своего великого тёзки приходил, смотрел, как у её домика девки в сарафанах и кокошниках на поляне пляшут, песни весёлые поют. Даже сам мысленно подпевал. А теперь стар стал, лень идти туда, а с велосипедом вообще неудобно.

– А я и сейчас туда с удовольствием хожу. От нас, кстати, недалеко, пешочком не больше получаса, иногда внуки со мной ходят, если не проспят. А возвращаюсь и начинаю накрывать праздничный стол, ведь у меня день рождения в этот же день. Девушки, помните, как мы этим летом на нашей веранде песни пели? Не хуже, чем самодеятельные артисты в деревне.

– Да уж, Натальюшка, пели с чувством, когда прежде винца хорошего испили. А стол ты, подруга, организовала отменный. Каких только салатов не наделала, и пироги были отличные с красной рыбкой и с лимоном!

– Захвалили. Все потому, что дочери мне привезли разную вкуснятину из города, без них ничего бы не вышло. А пироги они всегда берут в немецкой пекарне. Вы же не первый раз у меня едите.

– Кстати, помню, Пушкин тоже брал пироги в немецкой пекарне Вольфа... Но песни любил народные, деревенские.

– Насчёт музыки. Предлагаю завтра перед картами устроить музыкальный час и послушать в моем саду... но не деревенские песни, а фортепианные концерты Рахманинова. После этого можно выпить чайку и за игру!

– Отлично, Ксеньюшка, у твоего плеера звук хороший. Будем воображать себя на седьмом ряду в Большом зале Филармонии.

– А я завтра не смогу. Давно наметила, иду на кладбище к Володе.

Местное кладбище у всех вызывало положительные эмоции. Во-первых, оно было красивым, ухоженным и спокойным. Через это старое кладбище дачники часто ходили на автобусную остановку и, соответственно, возвращались по его дорожкам из города. Почти все окружённые высокими решетками могилы утопали в красно-жёлто-синих цветах. Даже у дамы со строгим вкусом Эльвиры Николаевны такая пестрятина уже не вызвала отторжения. Рядом с некоторыми могилами стояли длинные деревянные столы и скамьи для поминок, это тоже было привычно. Горы увядших цветов выпадали из мусорных ящиков и покрывали крайнюю дорожку перед речкой и сам спуск к реке.

Во-вторых, кладбище выходило на берег живописной темноводной речки. С берега к воде склонялись серебристые ивы, они придавали, казалось бы, не слишком приятному месту какое-то очарование. Дамы сошлись на мнении, что путь через кладбище у них не вызывает отрицательных эмоций, особенно в солнечную погоду.

– Вы помните, как много лет назад мы по кладбищу тащили тяжёлые тележки, нагруженные камнями? Камни брали на дороге у конюшни и укладывали их на своих садовых дорожках. Я помню, однажды сделала пятнадцать ходок, чуть не упала без чувств у какой-то могилы... Зато садик стал красивым и организованным.

Это истинная правда. Личные садики у всех присутствующих за карточным столом со временем стали красивее и ухоженнее.

Что касается речки, собственности общественной, то бишь ничьей, то и русло, и берега со временем значительно поплошели. И было видно это невооружённым глазом. Во-первых, зацвела вода. Все вспоминали, что в былые годы утром, когда никого не видно было на километр вокруг, входить в воду было истинным удовольствием. А медленно плыть сначала к островку с раскидистой серебристой ивой!.. Под ивой можно было постоять в лёгкой тине и отдохнуть, а потом плыть не спеша дальше до фермы, которая торчала над водой почти у самого кладбища. Как приятно было, держась за металлические стояки, лежать на воде, чуть пошевеливая ногами, смотреть на безлюдный освещённый утренним солнцем островок и мечтать о чём-то приятном...

Потом быстрыми сажёнками вернуться к берегу, вытереться, надеть халат и возвращаться по безлюдному полю на дачу...

В последний год в жёлтых рясах вода уже не располагает к утреннему плаванию. Некогда существовавший пляжик раздолбали – он ведь ничейный, значит, можно на нём оставлять

следы своей нехитрой жизнедеятельности. Грунтовая дорога на берегу оттого стала ухабистой и грязной. И это во-вторых.

– Помните, сколько раньше здесь машин останавливалось в выходные дни на отдых? Где они теперь?

– Противно и пешеходам и автомобилям, едут мимо. Например, в Латвию.

– Вот к чему приводит владение государственной собственностью!

– Собственность эта муниципальная, бедного хозяина, у него нет денег на улучшение и создание зоны рекреации. Вы не в Чикаго, моя дорогая! И так много чего сделано: три современных удобных дома построили, кусок улицы к зданию администрации асфальтировали, заводик по изготовлению «хреновины» создали. Вам всё мало!

– Молодцы. Но хочется, чтобы становилось лучше – чище, по крайней мере.

Дамы задумались. Оптимистка Наталья Николаевна оценивала изменения положительно, пессимистка Екатерина – с неодобрением, практичная Эльвира понимала, что до красивой жизни им не дожить, хоть бы правнуки дожили.

– И всё-таки, сударыни, приглашаю вас завтра утром пойти на речку, чтобы торжественно закрыть дачный сезон. Поплаваем, пусть в немного цветущей воде.

– Спасибо, Александр Сергеевич. И на берегу разопьем бутылочку шампанского, мы его давно храним для такого случая.

– А в 19 часов тогда устроим у вас на веранде сеанс прощального книга.

– С ароматным чаем и «под музыку Вивальди, Вивальди, Вивальди...»

На том и порешили.

Где эта улица, где этот дом?

На очередной встрече краеведов руководитель выступила с неожиданным предложением:

– Милые дамы, как вы относитесь к идее нового цикла на следующий год?

– Какого цикла? Мы же ещё не закончили изучать архитектуру модерна!

– Модерн подходит к концу, но в творческой головке наших энтузиастов уже созрела новая идея, которая мне понравилась. Представьте себе, что вы все по очереди будете рассказывать о своих домах – об истории создания, архитекторе, интерьерах, истории вашей семьи, о соседних домах.

– Давайте. Мы же все живём в историческом центре самого красивого города на Земле, – добавила активная Людмила Николаевна.

– Пожалуй, и правда интересно... – быстро согласились культурные дамы пенсионного возраста.

Так начались лекции-презентации об интереснейших зданиях и уголках Санкт-Петербурга. Дамы готовились серьёзно, привлекали кучу литературы и информацию из Интернета, ходили с фотокамерами по улицам, дворам и лестницам, а потом в течение часа увлечённо рассказывали и показывали на большом экране всё, что узнали и увидели, отвечали на вопросы, слушали слова благодарности...

Дошла очередь и до меня. Я за свою длинную жизнь сменила в Ленинграде-Петербурге с десяток квартир. Рассказывать об одном каком-то доме значило обижать другие дома, но всё-таки есть у меня в любимом городе одно место, о котором хочется рассказывать без конца. Называю я его своей малой родиной. Ведь у каждого человека есть малая родина. Место, где человек родился и провёл светлые детские годы, откуда он уехал, но всегда хранит его в памяти и непременно хочет туда вернуться. Не жить, а просто пройтись, посмотреть, вспомнить. Причём вспомнить обязательно о добром и радостном, нет, конечно, можно и о печальном, но обязательно тоже о светлом...

Кто-то малой родиной назовёт деревню Погореловку, кто-то – город Малую Вишеру, а моя малая родина – это улица Рубинштейна в Санкт-Петербурге-Ленинграде. Она и правда улица небольшая: двадцать домов по чётной стороне и пятнадцать – по нечётной, но каждый дом для меня – это не только архитектура, но и люди интересные и связанные с ними события.

История улицы началась в первые десятилетия жизни Санкт-Петербурга. Новый город строился в дельте Невы на нескольких островах и на территории заболоченной суши. Граница города шла по реке Фонтанке, на её берегах служивые люди возводили свои дома и особняки. За наделами служивых шумел лес, а в тёмные осенние вечера из леса выбегали голодные волки...

Вот как раз на этой окраине в 1740-х годах и был проложен мощённый деревом проезд от Невской перспективы до Большой Загородной дороги, которая связывала Петербург с российскими городами. Поначалу проезд называли то ли Головкинским переулком по имени канцлера Головкина, чья дача находилась поблизости, то ли – Головинским переулком по имени графа Головина, по задней стороне усадьбы которого и проходил проезд. В 1798 году его переименовали в Троицкий переулок, весьма невзрачный, где деревянные дома чередовались с пустырями. Новые каменные здания появились только после пожаров 1862 года, которые послужили стимулом для интенсивного строительства, а в апреле 1887 года переулок назвали Троицкой улицей.

На Троицкой жили и работали многие деятели культуры. В честь столетия одного из них в 1929 году улица была переименована. Антон Григорьевич Рубинштейн (1829–1894) поселился в Петербурге в 1848 году, будучи европейски известным пианистом и дирижёром. Вернувшись в Россию после большого концертного турне, в 1862 году он основал Певческую академию, Русское музыкальное общество и учебные классы при нём, преобразованные в Петербургскую консерваторию. Он возглавлял учебное заведение первые пять лет, а двадцать лет спустя, после интенсивных гастрольных выступлений, Рубинштейн вновь занял пост директора Консерватории и её профессора. Именно в эти годы (1887–1891) он и поселился в большом доходном доме № 38 на Троицкой, о чём свидетельствует мемориальная доска на фасаде.

Как-то так случилось, что дома по чётной стороне улицы в моей жизни не играли большой роли, лишь некоторые хочется упомянуть.

Угловой доходный дом № 2, выходящий на Невский проспект, был построен архитекторами Гуном и Сюзором для владельца булочных и кондитерских Филиппова, который открыл там модную кофейню. Интересно, что после его кофейни в советское время здесь долгие годы радовал жителей очень популярный в Ленинграде кафе-автомат. Кажется, подобного ему в городе не было. Там всегда было полно посетителей, особенно мужчин. Объяснялось это существованием под окнами кафе стоянки такси. И пассажиры из длинной очереди, и водители – все стремились быстро и недорого перехватить кофе с бутербродом, а заодно и пообщаться.

Владельцем доходного дома № 4, построенного уже в начале XX века в стиле модерн архитектором Хреновым, был П. К. Палкин из династии трактирщиков. Первый трактир в Петербурге выходец из Ярославля А. С. Палкин открыл в 1785 году, затем рестораны Палкиных появлялись сначала на Невском проспекте в доме № 5, позже на углу Невского проспекта и Большой Садовой улицы («Старопалкин»), в 1850 году – на Невском проспекте № 76 («Новопалкин»). В 1874 году был открыт ресторан на Невском проспекте № 47 на углу с Владимирским проспектом. Постоянными посетителями ресторана были Чайковский, Чехов, Куприн, Блок, Бунин, Менделеев, Достоевский. Здесь в 1885 году пышно отмечали столетие фирмы Палкиных.

В советское время ресторан был переоборудован в кинотеатр «Титан», в нём было красивое с лепкой и богатым декором фойе и неудобный длинный как кишка зал с сорока одним рядом. Правда, «Титан» не принадлежал улице Рубинштейна, но ходили мы, школьники, туда часто, бывало, по несколько раз в неделю, – так хотелось посмотреть на незнакомый мир! Перед началом кино непременно шёл журнал «Новости дня», где под жизнерадостные марши мелькали победные кадры с заводских цехов и колхозных полей, со съездов партии и великих строек коммунизма. В советских фильмах жизнь обычно сопровождалась песнями и маршами, а вот в трофейных фильмах, которые в большом количестве были вывезены из Германии, можно было

увидеть что-то совсем непохожее. Элегантные мужчины в шляпах и дамы в длинных красивых нарядах пели и танцевали танго или фокстроты, совершенно непопулярные, подчас запрещённые на танцевальных площадках города.

В доме № 4 много лет была небольшая уютная парикмахерская. В ней после десятого класса я обрезала косу и сделала модную причёску «венчик мира», сразу преобразившую меня из лягушки в прекрасную царевну. Многие наши девчонки обкорнали надоевшие косички, без них жизнь стала совершенно другой, взрослой и независимой.

В двухэтажном доме № 18 почти напротив нашей школы располагался уютный маленький кинотеатр «Баба-яга». Там в послевоенные годы проходили концерты. Моя тётушка, которая много лет после войны работала администратором в областной филармонии, занималась культурным развитием племянницы. Однажды она дала нам с подружкой, школьницам седьмого класса, контрамарку на эстрадный концерт, где среди прочих артистов выступала худенькая молодая певица Галина Вишневская. Нам она понравилась, особенно трогательный романс про букет цветов из Ниццы.

В этом здании с 1956 года обрёл свой кров Малый драматический театр под руководством Льва Додина. Театр набирал силу и репертуар, стал успешным не только в России, в Советском Союзе, но и за рубежом, в последние десятилетия он называется Театр Европы. Конечно, жители улицы Рубинштейна не могли не посещать этот знаменитый театр. Честно сказать, отдавая должное гениальности режиссёра, я не отношусь к его почитателям: уж очень мрачная цветовая палитра окрашивает большинство спектаклей. Театр расширил территорию за счёт соседнего здания, углового красного цвета дома за № 18, с которым у меня связана забавная история.

В этом доме в советские времена находилась знаменитая «Скупка». Я долго придумывала оригинальный подарок дочке к окончанию школы, наконец, сообразила, что в «Скупке» можно продать ненужную золотую монету, оставшуюся от родителей, и на вырученные деньги у них же купить ребёнку изящную цепочку. Отстояв длинную очередь, совершила, как казалось мне, выгодную сделку и вручила ребёнку подарок. Подарок, конечно, имел успех. Через день я поинтересовалась, где цепочка, почему я её не вижу.

– Ты знаешь, мамусик, перед лыжной тренировкой я её сняла и оставила в раздевалке, а когда пришла, нигде не могла найти. Извини, пожалуйста!

Было обидно, тем более что муж, когда узнал о моём «гешефте», сообщил, что за тот «золотой» я могла получить не только детскую цепочку.

Дом № 36, типичный в стиле эклектики с балконами на втором этаже и многочисленными скульптурами по всему фасаду, привлекал моё особое внимание в школьные годы в дни экзаменов. Мы с подружкой обычно накануне экзамена сидели на нашем балконе и повторяли материал по билетам. Она читала ответ, я должна была слушать и запоминать, но постепенно, глядя на скульптуры на противоположном доме, потихоньку засыпала.

– Ты что, спишь? Просыпайся сейчас же. Читай ты теперь!

Я продолжала читать, через минуту замечала, что на нас с противоположного балкона смотрит мальчишка и смеётся, а у подружки глаза закрыты.

– Ритка, проснись! Что ты слышала последнее? Повтори.

Как-то так получилось, что я больше люблю нечётную сторону улицы. Именно с ней были связаны самые главные события в моей жизни.

В начале улицы от Невской перспективы дома строились для людей обеспеченных и именитых в архитектурном стиле эклектики, часто встречающемся в конце XIX века, с богатым декором. Хозяином дома № 1, что соседствует с дворцом Белосельских-Белозерских, был великий князь Сергей Александрович. Для меня этот дом был интересен по ряду причин.

Во-первых, в одной из квартир этого богатого дома жила и живёт до сих пор моя одноклассница Инночка. Для представителей нашего поколения жизнь в отдельной, то есть не ком-

мунальной квартире являлась чем-то нереальным, сказочным. А у Инночки кроме членов её семьи днём никого не было. Да и вечером родители иногда отсутствовали, можно было кричать, танцевать, высовываться из окон, когда по Невскому проезжали машины с почётными гостями города, наконец, встречать Новый год.

Во-вторых, в этом доме много лет был рыбный магазин, один из лучших в Ленинграде. Какой только живой рыбы, каких только рыбных продуктов мы там не пробовали! Кстати, на лестнице у Инночки, куда выходила задняя дверь магазина, всегда стоял стойкий рыбный запах. В студенческие годы я помню себя, выбирающую из лоханок на прилавке по 100 грамм чёрной паюсной и красной икры, она – икра была не так дорога.

В-третьих, в доме с царских времён было знаменитое шляпное ателье! Модные девушки и дамы с помощью любезных продавщиц подбирали себе шляпки на любой вкус. Я к этим модницам никогда не относилась, но не презирала их, приобрела там пару шляпок, правда не на заказ, а готовых, они были дешевле.

Интересный шестиэтажный дом под № 7 на углу с Графским переулком был построен архитектором Андреем Олем при советской власти в 1929–1931 годах в стиле раннего конструктивизма. Назывался он Дом-коммуна инженеров и писателей, а в народе за бытовые неудобства дом получил прозвище «Слез социализма». На балкончиках дома невозможно встать даже одному человеку. Чтобы не осложнять быт, душевые комнаты разместили в конце коридора, кухни в квартирах отсутствовали. Помещения общего пользования: детские комнаты, библиотека-читальня и столовая на двести мест с кухонным блоком находились на первом этаже. В 30-е годы в этом доме проживала поэтесса Ольга Берггольц, называвшая его «самым нелепым домом Ленинграда».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.